
---

2. ВРЕМЯ ПАСКЕВИЧА

ПАСКЕВИЧ

Елизаветпольская победа выдвигает на сцену кавказских войн новую замечательную личность, генерал-адъютанта Ивана Федоровича Паскевича – впоследствии фельдмаршала, графа Эриванского и светлейшего князя Варшавского. С появлением его на Кавказе, и в значительной мере по его вине, Россия лишилась одного из своих гениальных деятелей, Ермолова. Но это обстоятельство не должно, однако же, затемнять несомненно выдающихся дарований знаменитого фельдмаршала, выразившихся в его деятельности.

Паскевич принадлежал к тем баловням судьбы, которым все дается без усилий. Самая наружность его выдавалась в толпе. При цветущем здоровье и неутомимости в перенесении военных трудов, он отличался замечательно красивой наружностью. Из-под роскошных темных кудрей, в художественном беспорядке обрамлявших его чело, сверкали большие, светлые голубые глаза, в которых светился огонь сосредоточенной решимости. В них было, однако, что-то строгое, надменное, что на людей, встречавшихся с ним взором, производило, как говорят современники, тяжелое впечатление.

На Кавказ Паскевич приехал в лучшую пору своей жизни; ему было только сорок пять. За ним следовала уже

громкая репутация, приобретенная в великих войнах начала нынешнего века. Все прошлое его состояло из какого-то странного сочетания несомненных талантов со счастливыми случайностями, которым он был обязан и самым началом блестящей карьеры. Он родился 8 мая 1782 года в Полтаве, и как представитель древней и богатой малороссийской фамилии получил воспитание в Пажеском корпусе. Отсюда он был выпущен поручиком в Преображенский полк и, при совершенно исключительных обстоятельствах, назначен прямо флигель-адъютантом к императору Павлу Петровичу. Рассказывают, что однажды – это было 5 октября 1800 года – Паскевич и Башилов, впоследствии умерший московским сенатором, находились при императоре дежурными камер-пажами. «Вы не по форме одеты», – строго сказал государь, когда оба камер-пажа встретили его во дворце при возвращении с развода. Молодые люди обомлели, зная тогдашнюю суровость наказаний за малейшее отступление от формы. «У вас в обмундировке нет того-то и того-то», – продолжал император и перечислил все принадлежности офицерского обмундирования. Юные камер-пажи поняли, что «выговор» императора обозначал их производство в офицеры, и кинулись целовать его руки. «Ну, бегите одеваться, – сказал император, – и приходите ко мне». Когда они явились уже в офицерской форме, государь, оглядев их, сказал: «Вы опять не по форме одеты: у вас нет аксельбантов, – наденьте их». Через час бывшие камер-пажи явились уже флигель-адъютантами императора.

Наступило новое царствование и вместе с ним – ряд войн. Перед Паскевичем открывается путь военных отличий, которые могли быть тем заметнее при блестящем положении его при Дворе. Аустерлицкий поход был слишком кратковременен, чтобы осуществить стремления честолюбивого юноши, и по окончании этой кампании он перешел

в Молдавскую армию, которая готовилась идти за Дунай, под предводительством старого Михельсона.

Здесь, в первом же деле, под Журжею, Паскевичу удалось оказать весьма важную услугу русской армии. Нужно сказать, что войска выступили ночью, – а ночь случилась ненастная, бурная, одна из тех, которые народ зовет воробьиными... Русские колонны сбились с дороги и разбрелись по степи, а между тем приближался рассвет. Паскевич прежде других сообразил опасность положения. Он поскакал вперед, сам разыскал дорогу и вывел на нее колонны. Таким образом, его распорядительности отряд обязан был тем, что пришел своевременно на назначенное место, – и в результате турки были разбиты.

Михельсон опытным глазом оценил в Паскевиче нечто более одной заурядной храбрости, – и Паскевич разом заслужил владимирский крест и золотую шпагу «За храбрость». Сменивший Михельсона князь Прозоровский еще более приблизил к себе молодого флигель-адъютанта, и в 1807 году неоднократно посылал его с секретными поручениями в Константинополь, цель которых была склонить турок на войну с англичанами.

Эти поездки по пустынным дорогам, среди населения, настроенного весьма неприязненно к русским, сопряжены были всегда с большими опасностями. Однажды, на пути из Провод, турецкий конвой, сопровождавший Паскевича, разбежался, и он, оставшись один в незнакомых горах, пробрался через Балканские ущелья в город Айдос, где даже турки были изумлены его отважной решимостью. В другой раз, во время возмущения в Константинополе народа, требовавшего выдачи его как русского офицера, он спасся от ярости черни лишь тем, что бросился в рыбачий челн и один смело пустился на нем в Черное море. Убогая ладья с немелым кормчим носилась несколько дней по прихоти бующих волн, и вынесла наконец его и его счастье в Варну.

Подобные факты не могли не послужить к быстрому возвышению Паскевича, который скоро далеко опередил по службе своих сверстников. Весной 1809 года он уже был полковником. На штурме Браилова его жестоко ранили в голову; это: однако, не помешало ему участвовать во всех важнейших делах под начальством князя Прозоровского, Багратиона и графа Каменского. Под Варной, 22 июля 1810 года, Паскевич, с одним Витебским полком, отразил яростную вылазку турецкой армии и отстоял русскую позицию; это доставило ему Георгия 3-го класса (4-ю степень он имел ранее, за штурм Пазарджика), а за сражение под Батином произведен в генерал-майоры, всего на двадцать девятом году от роду. Пять лет, проведенные им в турецкой войне, послужили для него отличной школой, и здесь-то он приобрел ту опытность и знание свойств противника, которые так пригодились ему впоследствии в его азиатских походах.

Назначенный, с производством в генералы, шефом Орловского пехотного полка, Паскевич поселился в Киеве в родной Малороссии. Там он оставался около года, до начала Отечественной войны, когда является одним из видных деятелей, во главе двадцать шестой пехотной дивизии. Начавшийся продолжительный период больших европейских войн открыл талантам и храбрости Паскевича широкое поприще. Битва при Салтановке, защита Смоленска, Бородинский бой, где дивизия Паскевича почти целиком легла при обороне центрального редута, – доставили ему громкую и справедливую известность, которая закрепилась еще более в славных боях под Малоярославцем, Вязьмой и, наконец, под Красным, где его Орловский полк заслужил серебряные трубы.

За Отечественную войну Паскевич был награжден аннинской лентой и Владимиром 2-го класса. В Вильне Кутзов представил его императору Александру как генерала,

выдающегося своими боевыми заслугами, – и государь сам поручил ему осаду Модлина. Сражение под Лейпцигом доставило Паскевичу чин генерал-лейтенанта на тридцать первом году его жизни, а взятие Парижа, где он командовал второй гренадерской дивизией, – александровскую ленту.

По окончании войн Паскевич сопровождал великого князя Михаила Павловича в путешествии его по Европе, затем командовал первой гвардейской пехотной дивизией, и, наконец, за год до кончины императора Александра, назначен был генерал-адъютантом и командиром первого пехотного корпуса, расположенного в Остзейских губерниях. Здесь, в Митаве, он получил известие о петербургских событиях 14 декабря и поспешил в столицу. Новый император принял его как заслуженного генерала и назначил членом верховного уголовного суда, учрежденного над декабристами. В качестве генерал-адъютанта Паскевич сопровождал государя в Москву на коронацию, – и с этого момента начинается его крупная историческая роль.

Война с Персией принимала тогда размеры все более и более тревожные. Оборонительная система, избранная Ермоловым, не согласовалась с волей императора Николая, требовавшего действий решительных, – и в этих видах на Кавказ назначен был Паскевич.

Кавказ, таким образом, приобретал в лице Паскевича одного из весьма замечательных деятелей, отважного, решительного, отмеченного искрой военного дарования. Трудно не видеть, как выиграл бы воинственный край от сочетания сил двух славных представителей века, Ермолова и Паскевича, если бы они, подчиняясь высшей идее блага отечества, соединились в общности целей и действий. Ермолов приобретал в Паскевиче энергичного помощника, Паскевич имел бы в Ермолове глубокого политика и знатока местных условий, опытного руководителя

на скользком поприще военной славы, которая могла бы обмануть храброго Паскевича при первой его неудаче.

К сожалению, Паскевич обладал характером неуступчивым и самовластным. Он неспособен был подчиниться, боялся допустить простое влияние на себя, чье бы оно ни было и как бы оно ни оправдывалось обстоятельствами. Граф Остен-Сакен рассказывает в своих записках, что, сделавшись позже начальником штаба и изучив характер Паскевича, он принял такую систему, чтобы просить всегда противоположного тому, чего хотел достигнуть. Так, желая дать, для пользы службы, гренадерскую бригаду генералу Муравьеву (впоследствии Карскому), но зная нерасположение к нему главнокомандующего, он при докладе сказал Паскевичу: «Вообразите, какое неумеренное желание высказал мне вчера Муравьев: только что произведен в генералы – и уже желает гренадерской бригады! Не рано ли?» – «Как рано! – вскричал Паскевич. – Он заслужил ее вполне. Сегодня же принесите к моей подписи представление». В этом факте – весь Паскевич.

И вот, появившись на Кавказе, он начинает тяготиться подчинением Ермолову и, ища самостоятельности, желает сам занять его место. Своей близостью к государю, позволением писать непосредственно к нему, он воспользовался вполне, чтобы уронить в его глазах Ермолова. Все действия его принимают характер осторожной интриги. Не имея на то ни права, ни основания он стал разыскивать какие-то неупотребления по всем частям управления Кавказским раем, которые до него не касались, привлекая к доносам разных сомнительных личностей. Незнакомый ни с местными условиями солдатской жизни, ни с подчиненными ему лицами, он был строг, взыскателен и своенравен в отношении к тем самым войскам, которыми впоследствии, когда ему уже нечего было искать, сам же не мог

нахвалиться. В этом смысле он не был, впрочем, даже строго последователен, то хваля, то порицая войска и подчиненных, руководимый исключительно обстоятельствами и соразмеряя их со своими целями.

Есть даже черта рассчитанного двоедушия в его письмах государю: ему он писал совсем не то, что всем на Кавказе было известно, и о чем он сам же заявлял публично и громко.

К своим донесениям императору он прикладывал, например, обширные выписки путевого журнала, веденного им в течение всего похода в Карабаг, до того момента, когда его отряд был распущен; но в этом журнале перемешаны его личные впечатления от встреченных им будто бы неустройств в войсках с грязными инсинуациями персидских властей, ненавидевших Ермолова, армянина Карганова, прозванного на Кавказе Ванькой-Каином и других подобных личностей. Эта выписка из журнала сохранилась в документах. В то же время, в одном из своих донесений, и Ермолов представляет государю журнал Паскевича, но уже без всяких оговорок и со своим одобрением. Хотя этот второй журнал пока еще и не вошел в опубликованные документы и, быть может, не сохранился, но, очевидно, он был составлен совершенно в ином духе, очевидно, в нем не было ни инсинуаций, ни жалоб. Следовательно, Паскевич с первых же шагов, когда еще не был знаком с кавказскими войсками и с образом тамошней войны, уже вел два путевых журнала, из которых один назначался им для Ермолова, другой, секретный, – в руки государя, помещая в них противоположные извещения. Недоверие к Ермолову, возбужденное уже в императоре, было для него, конечно, импульсом, толкавшим его в этом направлении.

Самый Елизаветпольский бой, давший ему столько славы, и его донесения о нем служат резким подтверждением этой двойственности Паскевича. В реляциях он благодарил

и превозносил доблесть Мадатова и Вельяминова, а в письмах к государю набрасывал тени и на того, и на другого. Посетив после боя тяжело раненного графа Симонича, как рассказывает сам этот последний, он сказал ему: «Когда атакуют так, как атаковали Вы, ни один неприятель не устоит; даже французы не выдержали бы такого удара». И в то же время, в противоречие этим словам, про те самые войска, которые только что наголову разбили вдесятеро сильнейшего неприятеля, которые, как грузинцы, шли в битву, не получив определенного приказа, или, как нижегородские драгуны, вихрем перелетали на помощь своим по всей неприятельской линии, всюду внося поражение, – про эти самые войска он писал государю: «Когда неприятель атаковал, я бросился в резерв, дабы заставить его идти, и насилу мог его подвинуть. Сохрани Бог быть с такими войсками в первый раз в деле... Войска храбры, но не стойки; вторая линия не выдержала двадцати ядер и смешалась с первой, потому что та стояла под крутизной... Ширванский батальон, ударив в штыки, прорвал их линию. Вельяминов это приказал. Князь Мадатов на себя взял, чего не сделал, а я, не зная его, ему поверил и оттого в реляции его хвалил. Но тут все их распоряжения кончились, ибо войска, погнавшись за неприятелем, так разбрелись, что если бы персияне имели резерв, то мы могли бы быть разбиты, ибо наш центр совершенно был рассеян, когда наши фланги, еще обойденные, дрались с неприятелем...»

Если припомнить, что, например, та вторая линия, которая, по донесению Паскевича, не выдержала будто бы двадцати ядер, была под командой храброго Симонича, что она смешалась с первой без разрешения Паскевича не потому, что та стояла под крутизной, а пошла с ней в бой по дальновидному расчету Симонича, который говорит:

«Если бы персияне разбили первую линию и она побежала, то батальон грузинцев, конечно, не поправил бы дела и был бы разбит точно так же; следовательно, мне оставалось одно – поддержать первую линию в момент самого удара, когда, в общей свалке, тысяча лишних штыков много значит», – если припомнить весь ход дела, рисующий в таких ярких красках неудержимую храбрость кавказских войск и решительность их начальников, то очевиден станет смысл донесений Паскевича.

На третий день после битвы, 15 сентября, Паскевич получает от Ермолова «весьма краткое» предписание еще от 9 числа, в котором, тот, зная характер врагов, предсказывает ему успех и последствия, говоря, что сражение кончится одним ударом и неприятель будет разбит. Но и это, уже оправданное обстоятельствами, мнение Ермолова Паскевич обращает против него в своих донесениях государю. «Итак, – иронически замечает он, – тот, который хотел вести оборонительную войну и без повеления государя императора не пошел бы вперед, теперь дает приказание столь смелое.

Я уверен, что он противное думает и, может статься, другим иначе пишет», – заключает Паскевич, очевидно, не только бросая тень на добросовестность и патриотизм Ермолова, а почти прямо обвиняя его в измене делу отчизны из личных видов.

И это происходило тогда, когда отношения между Ермоловым и Паскевичем не были еще так обострены, как впоследствии.

Вся история Елизаветпольской битвы показывает, сколько намеренной несправедливости и неблагодарности в донесениях Паскевича, уже самих по себе, впрочем, нелогичных и странных, вызывающих недоумение и вопрос: каким же образом столь нестойкие и неустроенные войска

могли нанести такое полное поражение вдесятеро сильнейшему врагу? Эти донесения были между тем только началом целого ряда других, совершенно подобных, для которых служило поводом каждое из последующих событий.

Небезупречное поведение Паскевича коснулось не одного Ермолова, а распространилось на всех его ближайших сподвижников. И уже в первом вышеприведенном донесении его положена тень на Вельяминова и Мадатова, которым он именно и был обязан в значительной мере победой.

Войска и офицеры, боготворившие Ермолова, естественно не остались равнодушными к этим действиям Паскевича, о которых многие не могли не догадываться и относились к новому начальнику с холодной сдержанностью, а это, в свою очередь, сердило Паскевича и побуждало его действовать против Ермолова тем с большей энергией.

Все это должно было кончиться тем, что Ермолов – пал и были устранены с Кавказа лучшие его генералы. К счастью, в кавказских войсках жил мощный дух «екатерининский и суворовский», как выразился Дибич, и новое начальство ничего не могло изменить в нем и сумело повести его к новым победам.

Так приобретение Кавказом в лице Паскевича, замечательного генерала, стало для него однозначным с потерей замечательнейшего его предместника.

ВЗГЛЯДЫ ПАСКЕВИЧА НА ПОКОРЕНИЕ КАВКАЗА

В то время, когда турецкая война близилась к своей развязке, Паскевича уже занимала мысль об окончательном покорении Кавказа. Он видел ясно, что отдельные экспедиции, предпринимаемые для наказания горцев, так же мало приносили пользы, как меры безусловной кротости, и поэтому изыскивал средства, чтобы раз и навсегда покончить с этим роковым вопросом. Время для этого казалось самым удобным. Многочисленные трофеи, проводимые то и дело через Кавказскую линию в Петербург, вочию свидетельствовали горцам о знаменитых победах, одержанных русскими в Персии и Турции, и слава этих побед, казалось, должна была бы удостоверить их в невозможности борьбы с такой могущественной державой, как Россия. Паскевич не хотел допустить даже мысли о серьезном сопротивлении «каких-нибудь горцев», и на этом, главным образом, основал план своих будущих действий.

Нужно сказать, что это было время всевозможных проектов. Военное министерство было засыпано трактатами, в которых было много любопытных, а еще более странных идей, показывавших только усердие, но никак не знакомство с Кавказом всех этих составителей планов. Предлагалось, например, действовать против горцев, подвигаясь не с равнины к горам, а напротив, с гор к плоскостям, строить крепости на хребтах, а наблюдательные посты на

горных шпильях, рвать самые горы порохом, а против хищников растягивать проволочные сети по берегам Кубани и Терека. Советовали покорять горцев не оружием, а культурой во всем ее широком объеме, то есть просвещением, торговлей, водворением среди народа роскоши и даже пьянства. Были предложения учредить в Анапе лицей или кадетский корпус, в котором воспитывались бы черкесские юноши вместе с детьми черноморских казаков, полагая, что общность воспитания родит дружеские связи, которые не замедлят отразиться в будущем и на дружеском согласии обоих народов. В подкрепление этой мысли приводился даже обычай аталычества, преподавался совет, чтобы в этом заведении русский священник, поставленный рядом с муллой, из-под руки внушал бы мусульманским детям понятия о превосходстве христианской веры и тому подобное. Некоторые шли еще дальше и предлагали прежде всего озаботиться смягчением нравов, посредством заведения у горцев музыкальных школ. «В глубокой древности уже было известно, – писал один коллежский советник, – что музыка, производя приятное впечатление на слух, смягчает человеческие нравы». Министерство даже не давало себе труда разбирать эти проекты, и массами отправляло их в Тифлис «на рассмотрение». Там их читали и, после короткого отрицательного ответа, сдавали в архив, где они покоятся и поныне.

В противоположность этим культурным планам, проект Паскевича основывался исключительно на силе оружия, как на аргументе единственно доступном пониманию горца. Он хотел воспользоваться пребыванием на Кавказе двух лишних дивизий и произвести разом одновременное движение против всех горских племен, чтобы лишить их взаимной помощи. Этим маневром Паскевич рассчитывал быстро и без особого труда завладеть всеми важнейшими

пунктами в горах, прочно утвердиться в предгорьях и таким образом, отняв у неприятеля все средства получать пропитание с равнин и плоскостей, вынудить его к покорности. В сущности это был тот же самый план, которого держался Ермолов в течение десятилетнего управления краем. Но то, чего достигал Ермолов упорным трудом, подвигаясь лишь шаг за шагом, Паскевичу казалось легко осуществить одним стремительным натиском. Нет никакого сомнения, что план этот возник у него под влиянием трех, блистательно исполненных, кампаний. Действительно, поля побежденной Персии, низринутые в прах твердыни Азиатской Турции – вот те вечные памятники, благодаря которым время командования Паскевича, по справедливости, должно быть отнесено к одной из особенно интересных и блестящих эпох русского владычества на Кавказе. Но, собственно, внутренним кавказским делам отводилось им до сих пор самое незначительное место. Быстро сменявшиеся события персидской и турецкой войн, обуславливая собой громадность и сложность занятий Паскевича в делах внешней политики, не давали ему ни времени, ни свободы заняться серьезным изучением Кавказа. Он был знаком с ним лишь по донесениям частных начальников, не всегда основательным, и даже мимоходом не видел кавказской войны, которая потому и рисовалась в его воображении совсем не похожей на то, чем она была в действительности. Этим только и возможно объяснить себе тот резкий, полный самонадеянности тон, с которым он писал государю.

«Чем более делаю я наблюдений, тем более удостаиваюсь, что направление политики и отношений наших к горцам были ошибочны и не имели ни общего плана, ни постоянных правил. Жестокость, в частности, умножала ненависть и возбуждала мщение, а недостаток твердости и

нерешительность в общем – обнаруживали слабость и недостаток сил. Опыт четырехлетнего моего управления оправдал мою политику, которая состояла единственно в том, что в частности я был снисходителен, но в общем угрожал твердостью и решимостью. От этого при всей малости войск наших, занятых войной против персиян и турок, горцы удержаны в покое и, исключая частные набеги, ничего важного не предпринимали».

Паскевич, очевидно, приписывал своей политике то, что являлось лишь естественным результатом всей деятельности Ермолова. Но этого мало, он хотел идти дальше Ермолова, хотел покорить Кавказ одним ударом, и не только не покорил его, но отодвинул покорение на тридцать лет и создал войну, стоившую нам, в конце концов, множества жертв, крови, материальных потерь, нравственных потрясений.

Надо заметить, что в это самое время ходила по рукам мемория генерала Вельяминова, которая, конечно, не могла быть неизвестной и Паскевичу. Вельяминов, друг и сподвижник Ермолова, также изыскивал средства ускорить окончание тяжелой кавказской войны, но средства, предлагаемые им, значительно разнились от мыслей Паскевича. По мнению Вельяминова, опыты прошедших лет не позволяли сомневаться, что главный вред, какой терпела от горцев Кавказская линия, происходил всегда от их конных набегов. Поэтому, если поставить горцев в такое положение, чтобы они с большим трудом доставали лошадей, годных для хищнических наездов, то этим отнимется у них одно из важнейших средств делать нападения. Достигнуть же этого, по мнению Вельяминова, можно было, только заняв казачьими станицами все места, изобилующие пастбищами, как например, между Кубанью и Лабой, между Лабой и Урупом, по правую сторону Малки, по

берегам Сунжи и Ассы. Увеличение числа кавказских линейных казаков, способствуя решительному покорению горцев и обеспечивая Кавказскую область, могло, сверх того, принести и громадную пользу в будущих европейских войнах. Таким образом, перенося наши линии за Кубань и на Сунжу, постепенно вытесняя горцев с плоскостей, истребляя у сопротивляющихся посевы и жилища, Вельяминов приходил к убеждению, что при настоящих средствах Кавказского корпуса, то есть при двух лишних дивизиях, война может быть окончена в течение шести лет и будет стоить, сверх обычных сумм, отпускаемых на довольствие войск, четырнадцать миллионов рублей ассигнациями.

Насколько этот план был основателен и применим практически, доказали позднейшие события, когда, после многолетней бесплодной борьбы, пришлось обратиться к тому же проекту и дать средств гораздо более, чем требовал Вельяминов. Но тогда глядели на дело еще иными глазами. На предложение Вельяминова государь отозвался, что требуемые средства чрезмерно обременят казну и что армию нельзя ослаблять и отвлекать от западной границы. Проект Паскевича, бравшегося покончить дело в одно наступавшее лето, был утвержден. Государь даже торопил его исполнение, так как по окончании экспедиции, обе дивизии – четырнадцатая и двадцатая – должны были немедленно возвратиться в Россию. «Его Величество, – писал по этому поводу военный министр, – совершенно уверен, что полный успех увенчает ваше предприятие, столь необходимое для прочного обеспечения нашей оседлости на Северном Кавказе».

Теперь оставалось разработать только детали. Государь предполагал начать военные действия со стороны Каспийского моря, где горы имеют наименьший поперечник, и

для этого употребить войска собственно Кавказского корпуса, в их полном составе; двадцатая же дивизия должна была сосредоточиться в виде резерва в окрестностях Тифлиса, а четырнадцатая – на Северном Кавказе, в кубанских и терских станицах, на случай, если бы горцы, теснимые с противоположной стороны, бросились на линию.

Государь, впрочем, не стеснял Паскевича действовать по обстоятельствам и предоставил ему широкие полномочия. Паскевич выработал программу несколько иную. Он полагал основательно, что прежде, чем приступить к общему покорению горских народов, необходимо было обеспечить Закавказье и покорить джарских лезгин, без чего никогда не установилось бы спокойствие на границах Кахетии; затем требовалось привести от нас в такую же зависимость Осетию, стать твердой ногой в Абхазии, и только тогда уже пройти по всем направлениям Чечню и земли закубанских народов. Дагестан не особенно занимал главнокомандующего. Паскевич, более нежели следует, полагался на преданность к нам шамхала Тарковского, акушинского кадия и ханов Мехтулы и Казикумыка, которые, по его мнению, достаточно обеспечивали спокойствие приморского края и плоскости, а что касается Нагорного Дагестана, где главенство принадлежало сильной Аварии, то ханы ее только что добровольно присягнули тогда на подданство России и своим примером, казалось, не могли не повлиять на соседние с ними вольные общества. Правда, лезгины, спускавшиеся с гор, продолжали делать набеги в Кахетию, но Паскевич думал, что покорение джарцев вынудит и их к безусловной покорности. В противном случае предполагалось сделать к ним экспедицию, и если бы они оказали упорство, выселить их на плоскость. К началу мая войска, занимавшие Дагестан, должны были занять Аварию и оттуда, смотря по обстоятельствам, или идти на лезгин,

соседних с Кахетией, или спуститься в Чечню, для содействия главным силам.

Таким образом, Дагестан был почти совсем устранен из общего плана и соприкасался с ним лишь косвенно, а между тем дальнейшие события показали, что именно Дагестан-то, которому так мало уделялось внимания, и был причиной, расстроившей все соображения и планы фельдмаршала. Там, в глухой койсубулинской деревушке Гимрах, никем не замечаемые, готовились события, которые грозили страшным потрясением нашему владычеству на Кавказе и не замедлили оказать решительное влияние на общий ход дела. То был мюридизм, кинувший горцев в страшный водоворот борьбы кровавой и религиозной. Правда, облик нового учения был еще туманен, но при должном внимании и тогда уже можно было различить в нем глухие отголоски приближающейся бури. Наружное спокойствие Дагестана обмануло Паскевича, в гуле победных громов он не слышал, как шумела река, разливавшаяся кипучим потоком, и как затопляла она все, чему было посвящено столько лет разумной деятельности и трудовой жизни Ермолова.

В феврале 1830 года Паскевич открывает военные действия, и первая экспедиция на землю джаро-белокавказских лезгин оканчивается быстрым и бескровным покорением этих обществ; но, в то же время, из Дагестана приходят такие тревожные слухи, которые заставляют наконец внимательно взглянуть в тамошние события и увидеть в них нечто посерьезнее обыкновенного мусульманского бунта. То было вторжение мюридинов в Аварию. Бой под Хунзахом и поражение Кази-муллы аварцами умалили несколько впечатление грозного движения, начавшегося в горах, но, однако, не рассеяли нависших над горизонтом туч. В это время Паскевич писал военному министру, что

«несомненная цель нового учения заключается в том, чтобы отторгнуть от нас все дагестанские племена и соединить их под одно общее феократическое правление...»

В Петербурге вправе были ожидать самых энергичных мер со стороны Паскевича там, где, по его же мнению, дело касалось безусловно нашего владычества над Восточным Кавказом, и государь полагал справедливо, что всем этим смутам и неурядицам будет положен скорый конец. На этом основании он потребовал, чтобы военные действия, начатые покорением джаро-белокавказцев, отнюдь не отлагались и чтобы все предначертания одновременного поиска в горы были окончены в течение лета.

Теперь главнокомандующий поставлен был в необходимость обстоятельно уже разъяснить те затруднения, которые, под влиянием текущих событий, принуждали его во многом отступить от первоначального плана. Он писал, что к военным действиям нельзя приступить ранее осени, так как войска из Турции могли прибыть только в августе; но что касается времени, в которое возможно окончить задуманный план, то Паскевич не брался определить его даже приблизительно – все зависело от обстоятельств, которых ни предвидеть, ни предугадать было невозможно. Он сам подал мысль и создал план покорения Кавказа; но теперь, соображая известную воинственность горцев и ближе ознакомившись с местностью, фельдмаршал не мог не сознавать всю трудность подобного предприятия. Да и время было уже не то, что в 1829 году, когда возник этот план. Тогда Дагестан находился в состоянии полного спокойствия, теперь появился Кази-мулла с его религиозной пропагандой, и волнение, охватившее не только нагорные племена, но даже плоскостных кумыков, перебралось в Чечню и угрожало занять всеобщим пожаром.

«Я желал бы, – писал он государю, – чтобы горцы совсем нас не знали и чтобы прибытие русских войск для их

покорения было бы еще в первый раз. Тогда можно было бы устрашить и привести их в изумление и неожиданной новостью впечатлений, и превосходством войск и оружия, и даже с пользой употребить политику, деньги и подарки. Но уже более пятидесяти лет, как они имеют дело с нами, и, к сожалению, были случаи, которые достаточно поселили в них мнение не в нашу пользу»...

Отнесшись с такой укоризной к деятельности своих предместников, «испортивших дело – по его выражению – настолько, что теперь уже трудно его поправить», Паскевич, со своей стороны, предложил два плана.

Первый состоял в том, чтобы, «войдя стремительно в горы, пройти их по всем направлениям». Такой генеральный разгром, конечно, мог произвести некоторое впечатление, но серьезных результатов от него ожидать было нельзя. Сам Паскевич пишет, что горцы, не имея ни богатых селений, ни прочных жилищ, которые стоили бы того, чтобы их защищать, будут уходить все далее и далее в глубь горных ущелий, но не перестанут наносить вред нашим войскам. «В такой войне, – говорит он, – гоняясь за бегущим и скрывающимся неприятелем, не может быть большой потери, но войска утомятся и, не имея ни твердых пунктов, ни верных коммуникаций, должны будут наконец возвратиться без успеха».

Второй план заключался в том, чтобы, войдя в горы, занять выгоднейшие пункты, устроить укрепления и учредить безопасные коммуникации. Таким образом, подаваясь вперед постепенно и занимая область за областью, завоевание будет медленнее, но зато благонадежнее. Объединив оба эти плана, Паскевич рассчитывал пользоваться ими в зависимости от обстоятельств, применяясь к характеру противника и свойствам страны. Но, к сожалению, и этим соображениям главнокомандующего не суждено было

осуществиться, благодаря позднему открытию военных действий, так как полки, следовавшие из Турции, подходили постепенно. В ожидании их, время, однако же, не было потеряно даром: генералы Абхазов и Ренненкампф умирили как северную, так и Южную Осетию, генерал-майор Гессе занял в Абхазии некоторые приморские пункты, а в Дагестан был послан достаточно сильный отряд, под начальством генерал-лейтенанта барона Розена с тем, чтобы занять Гимры, главное селение Койсубулинского общества, где жил Кази-мулла, и задушить мюридизм, так сказать, в самой его колыбели. Все это были, однако же, экспедиции частные, находившиеся только в связи с общим планом, но не составлявшие его сущности – покорения горцев. Последнее должно было начаться лишь с наступлением осени, когда фельдмаршал, рассчитывая собрать сорок тысяч войска в один отряд, и с этой грозной силой, которую не видели Тавриз и Эрзерум, пройти Чечню и земли закубанских народов. Внося к чеченцам меч и огонь, Паскевич намеревался искрестить страну по всем направлениям и в важнейших пунктах ее оставить сильные гарнизоны. «Если я успею, – писал он военному министру, – провести две линии: одну от реки Гудермеса через Мичик до Темир-Хан-Шуры, а другую из Телава через Хевсурию по реке Аргуну до Грозной, то можно будет надеяться, что покорение чеченцев совершится так же, как и покорение джарских лезгин».

От закубанцев ждали не менее серьезного сопротивления, чем от чеченцев, а потому Паскевич, чтобы разъединить их силы, имел в виду вторгнуться к ним с четырех различных сторон: главные силы, под личным его предводительством, должны были идти со стороны Кубани против шапсугов и абадзехов; отряд из Абхазии, перейдя главный хребет в истоках реки Белой, устремиться на

убыхов, а остальные два – действовать со стороны Анапы и Гагр. Сверх того, для содействия войскам, идущим из Абхазии, в распоряжение Паскевича должна была поступить часть черноморского флота.

Такова была уже окончательная программа Паскевича, от которой он не имел намерения отступить ни при каких обстоятельствах. Дагестан по-прежнему был исключен им из общего плана военных действий, так как тамошние события не имели, по-видимому, в глазах его большого значения. Он до такой степени был убежден, что экспедиция барона Розена покончит все затруднения, возникшие в Дагестане, что даже не стал ожидать ее результатов и двадцать седьмого мая выехал в Петербург, где пробыл почти до августа. К этому времени главная квартира перешла в Пятигорск; все частные экспедиции, предположенные Паскевичем, окончились, и войскам, постепенно сходявшимся на назначенные пункты, оставалось только приступить к военным операциям против чеченцев. Но именно эта-то главная экспедиция и расстроилась самым неожиданным образом.

Причиной тому послужил отчасти все тот же Дагестан, упорно игнорируемый Паскевичем. Экспедиция барона Розена, от которой ждали блестящих результатов, кончилась ничем, так как Розен, обманутый наружной покорностью горцев, отступил от Гимр, и мюридизм, оставленный в покое, сделал в короткое время огромные успехи. Сдерживаемый еще кое-как нашими войсками на плоскости, он тем с большей силой развивался в горах и, наконец, нашел исходную точку в Джаро-Белоканской области. Там, летом 1830 года, вспыхнул мятеж, потребовавший с нашей стороны огромного напряжения сил и кончившийся кровавым штурмом Закатал и новым покорением джарцев. Таким образом, к началу осени значительная часть войск была

отвлечена на театр войны, который до тех пор совсем не предвиделся; а между тем в полках, стоявших на линии, появилась холера. Этот страшный бич, тогда еще впервые посетивший Россию, произвел общую панику и с особенной силой свирепствовал именно в чеченских аулах. Холера и недостаток войск, в связи с политическим состоянием Дагестана, и были причинами, заставившими Паскевича изменить начертанный им план и отложить чеченскую экспедицию до будущего года.

Теперь от всего обширного проекта, так долго занимавшего главнокомандующего, осталась только последняя часть его – движение против закубанских народов. Но и это предположение не могло осуществиться в тех грандиозных размерах, в каких оно предполагалось фельдмаршалом. Волнение в Абхазии удержало тамошние войска от участия в общем походе, и Паскевичу пришлось ограничиться только частной экспедицией против шапсугов и абадзехов; даже надежда его пройти через их земли к берегам Черного моря не исполнилась, так как поздняя осень, дожди и упорное сопротивление неприятеля остановили войска на реке Обине. Единственным полезным результатом этого похода было только личное знакомство Паскевича с краем да вынесенное им убеждение, что его система «вторгнуться в горы и пройти их по всем направлениям» не обещает успеха. Он сам истребил третью часть шапсугских земель – и не добился покорности. Пришлось и здесь остановиться на мысли медленного движения вперед укрепленными линиями с тем, чтобы в конце концов прорезать ими все пространство от Кубани до берегов Черного моря.

Таким образом, Паскевичу не удалось развить во всем объеме предначертания, сделанные им на 1830 год, и все обширные приготовления окончились несколькими

частными экспедициями, которые, конечно, имели важное значение, но не дали Кавказу и России ожидаемого спокойствия. Седьмого декабря Паскевич возвратился в Тифлис, куда вслед за ним прибыла и главная квартира. Дальнейшие действия против горцев приостановились до наступления весны, а весной фельдмаршал был отозван в Польшу, на пост главнокомандующего действующей армии. Он выехал из Тифлиса двадцатого апреля 1831 года, поручив управление Северным Кавказом генералу Эмануэлю, а Закавказьем – генерал-адъютанту Панкратьеву. Взгляды Паскевича на ведение кавказской войны в это время уже значительно изменились. Покидая Кавказ, он оставил своим преемникам инструкции, в которых рекомендовал держаться преимущественно пассивной обороны. Из Петербурга, по его настояниям, повторили то же требование, а тут на беду выступил опять Кази-мулла с его кровавым учением, и пожар, охвативший тогда восточную половину Кавказа, угад только спустя двадцать восемь лет.

Время командования Паскевича на Кавказе продолжалось с небольшим четыре года. Главная деятельность его была поглощена внешними войнами, и делам Кавказа, силой обстоятельств, отводилось лишь второстепенное место. Тем не менее все, что сделано было им в короткое время для внутреннего развития страны, носило на себе печать несомненной административной заботливости. Он видел ясно, что вся система управления, существовавшая здесь со времени занятия Грузии, не только не вела к благоденствию края, но сама по себе уже служила источником различных неустойств и беспорядков. Его поражала обширная власть главнокомандующих, вытекавшая здесь не из положительных законов, а из местных обычаев, которые разнообразились и применялись к управлению в бесчисленных формах. Паскевич первый указал на неотложную

потребность гражданского переустройства края и, не доверяя в этом случае своим собственным силам, просил государя о назначении в край сенаторской ревизии. Его заслуга заключается в том, что он наметил вопросы, на которые его преемники, не отвлекаемые более внешней политикой, могли сосредоточить всю свою деятельность.

В военном отношении, в деле умиротворения Кавказа, им также сделано было немало. При нем уничтожена была автономия Гурии, покорены осетины и карачаевцы, утратила последнюю тень независимости беспокойная Джаро-Белоканская область, упрочена за нами Абхазия и покорилась Сванетия. Но надо сказать, однако, что все это были только зачатки, потребовавшие с нашей стороны еще долгой и упорной борьбы. Главное же, что оставил Паскевич в наследие своим преемникам, – это зарождающийся мюридизм, который он мог задушить в колыбели и не задушил, потому что не угадал, какие в этом зародыше скрываются семена будущих страшных потрясений.
